

*Посвящается Кэти,
которая сделала меня
счастливейшим человеком на свете
в тот день, когда согласилась
стать моей женой*

Пролог

Интересно, может ли человек измениться? Или же характер и привычки — это непреодолимые преграды?

Сейчас середина октября 2003 года. Я пытаюсь найти ответы, наблюдая за тем, как мотылек мечется вокруг фонаря на крыльце. Джейн, моя жена, спит наверху. Она не увидела, как я выскользнул из спальни. Уже поздно, далеко за полночь, воздух морозный — предвестие ранней зимы. На мне толстый халат, я надеялся, что он достаточно теплый, но теперь замечаю, что руки у меня дрожат.

На небе звезды, словно брызги серебряной краски на черном холсте. Я различаю Орион и Плеяды, Большую Медведицу и Северную Корону и очень вдохновляюсь при мысли о том, что я не просто люблю звезды, а мысленно переносусь в прошлое. Созвездия мерцают так же, как и тысячи лет назад, и я жду, что вот-вот на меня снизойдет нечто, например слова, которыми поэт мог бы объяснить тайны мира. Но ничего не происходит.

И неудивительно. Я никогда не отличался сентиментальностью, уверен, жена это подтвердит. Я не пускаю слезу в кино или над книгой, редко мечтаю, а если когда-либо и жажду власти, то в соответствии с законом и нормами права. По большей части моя жизнь — жизнь юрисконсульта, специализирующегося на завещаниях, — прошла в общении с людьми, которые тщательно готовятся к смерти. Вероятно, некоторые скажут, что мое собственное существование вряд ли преисполнено большого смысла. Но даже если они правы, что поделать? Я не ищу себе оправданий и никогда не искал; надеюсь, вы посмо-

трите сквозь пальцы на эту причуду, если дочитаете книгу до конца.

Пожалуйста, поймите меня правильно. Может быть, я и не сентиментален, но отнюдь не лишен чувств, и порой меня внезапно охватывает ощущение чуда. Например, я нахожу до странности трогательными самые обыкновенные вещи — гигантские секвойи в Сьерра-Неваде или волны, с шумом разбивающиеся о мыс Гаттерас и выбрасывающие тучи брызг. На минувшей неделе у меня перехватило дыхание, когда маленький мальчик, шагая рядом с отцом по тротуару, взял того за руку. Иногда я способен забыть о ходе времени, глядя на небо, затянутое облаками, или прислушиваясь к раскатам грома. Я всегда подхожу к окну, чтобы увидеть молнию. Когда ослепительная вспышка освещает все вокруг, каждый раз меня переполняет смутная тоска. И я не в силах объяснить, чего именно мне недостает в такие моменты.

Меня зовут Уилсон Льюис, и я хочу поделиться с вами историей о свадьбе и браке. Несмотря на то что мы с Джейн прожили вместе тридцать лет, следует признать: другим наверняка известно о семейной жизни больше, чем мне. Если кто-нибудь спросит у меня совета, то вряд ли извлечет из него много пользы. Честно говоря, в браке я был эгоистичен, упрям и невежествен, как осел, и теперь мне больно это осознавать. И, оглядываясь назад, я понимаю: одно достоинство у меня все-таки есть — на протяжении тридцати лет я не переставал любить Джейн. Возможно, кто-нибудь скажет, что это само собой разумеется, но учтите, было время, когда я сомневался во взаимности своей любви.

Разумеется, все пары переживают взлеты и падения. Наверное, такова естественная природа людей, принявших решение быть вместе. За время нашей с Джейн жизни я потерял обоих родителей, она — мать, а потом ее отец тяжело заболел. Мы четырежды переезжали, и, хотя моя карьера складывалась успешно, мне пришлось многим жертвовать, чтобы удержаться на плаву. У нас трое

замечательных детей, и мы не променяли бы это счастье на все сокровища Тутанхамона. Но должен признаться, бессонные ночи и регулярные визиты в клинику были нелегким, порой чрезмерным испытанием.

Подобные события чреваты стрессами, а когда двое людей живут бок о бок, они неизбежно выплескивают свои эмоции друг на друга. Насколько я могу судить, это одновременно благословение и проклятие брака. С одной стороны, у вас есть отдушина, с другой — в роли отдушины выступает близкий человек.

Почему я об этом заговорил? Я лишь хочу подчеркнуть: за эти годы я ни разу не усомнился в сильных чувствах к Джейн. Конечно, бывали дни, когда поутру за столом мы избегали встречаться взглядами, и все же я никогда не сомневался в своей любви. Порой я задумывался о том, как бы сложилась моя жизнь, если бы я женился на другой, но за все время, проведенное вместе, ни разу не пожалел о сделанном выборе. Мне казалось, наш брак устоялся окончательно, но вдруг я понял, что ошибаюсь. Это произошло около года назад, если быть точным, четырнадцать месяцев назад.

Вы спросите, что случилось?

Наверное, вы решите, что у меня начался кризис среднего возраста, под влиянием которого я либо завел любовницу, либо внезапно возжелал изменить свою жизнь. Ни то ни другое. На самом деле мой проступок незначителен и при других обстоятельствах со временем вполне мог бы стать темой для забавного анекдота. Но он причинил боль Джейн и детям, и именно с этого момента я поведу свой рассказ.

Это было 23 августа 2002 года. Я проснулся, позавтракал и провел день в офисе, как всегда. Честно говоря, я помню лишь, что ничего из ряда вон выходящего на работе не случилось. В обычное время я вернулся домой и был приятно удивлен, увидев, как Джейн готовит мое любимое блюдо. Когда она обернулась, чтобы поздороваться, мне показалось, жена ожидала увидеть в моих ру-

ках нечто иное, но точно не портфель. Часом позже мы сели ужинать, а потом, пока она убирала со стола, я ушел в кабинет, достал из портфеля бумаги и принялся их просматривать. Дочитав до конца первую страницу, я увидел, что Джейн стоит на пороге. Она вытирала руки кухонным полотенцем, и на ее лице отражалось разочарование, которое с течением времени я, по крайней мере, научился если не предупреждать, то распознавать.

— Ты ничего не хочешь сказать? — спросила она.

Я задумался, догадавшись, что за спокойным тоном кроется нечто большее. Возможно, Джейн намекала, что сделала новую прическу. Я присмотрелся, но ее волосы были уложены точь-в-точь как обычно. Много лет я учился замечать подобные нюансы. Мы не отрываясь смотрели друг на друга, и я понимал: надо прервать молчание.

— Как прошел день? — наконец поинтересовался я.

Джейн слегка улыбнулась в ответ и вышла.

Теперь я, конечно, знаю, чего она ждала, но тогда просто выкинул это из головы и снова взялся за работу, отметив про себя известную всем женскую загадочность.

Вечером я едва успел лечь и устроиться поудобнее, как услышал прерывистый вздох. Джейн лежала, повернувшись ко мне спиной. По тому, как дрожали ее плечи, я тут же догадался, что жена плачет. Испуганный, я ожидал объяснений, но вместо этого Джейн вновь прерывисто задышала, как будто сдерживая рыдания. Мое горло инстинктивно сжалось, я ощутил возрастающий страх. Я старался не паниковать, не думать о том, что с ее отцом или с детьми беда или врач сообщил ей скверные новости... И мне не под силу помочь. Я коснулся ее плеча в надежде, что это каким-то образом утешит Джейн.

— Что случилось? — нежно спросил я.

Прошло несколько секунд, прежде чем Джейн ответила. Она вздохнула и натянула одеяло на плечи.

— С годовщиной тебя, — прошептала она.

Двадцать девять лет назад мы поженились. Я слишком поздно об этом вспомнил и заметил в углу комнаты подарки, которые Джейн купила для меня, красиво завернула и сложила на комод.

Как просто. Я забыл об этом.

Я не пытаюсь найти оправдания. Что толку? Конечно, я попросил у нее прощения и извинился еще раз утром и в третий раз вечером, когда преподнес Джейн духи в качестве подарка. Она улыбнулась, поблагодарила меня и похлопала по колену.

Сидя рядом с ней на кушетке, я осознавал, что люблю ее так же сильно, как и в день нашей свадьбы. Но потом, вероятно, впервые, я заметил печальный рассеянный взгляд Джейн и внезапно задумался: а любит ли она меня по-прежнему?

Глава 1

Невыносимо думать о том, что твоя жена, возможно, тебя не любит. Джейн унесла духи к себе, а я несколько часов провел на кушетке, гадая, чем все это может обернуться. Мне очень хотелось верить, что Джейн просто дала волю эмоциям и что я уделяю случившемуся больше внимания, нежели оно заслуживает. Но чем дольше я об этом думал, тем сильнее ощущал не только ее недовольство забывчивым супругом, но и какую-то застарелую меланхолию — как будто мой промах стал последней каплей в длинной череде ошибок.

Неужели наш брак разочаровал Джейн? Я понял это по выражению ее лица и принялся размышлять, что ждет нас в будущем. Может быть, Джейн задается вопросом, жить ли со мной и дальше. Не сожалеет ли она о том, что некогда вышла за меня замуж? Надо признать, мне нелегко давались рассуждения на подобные темы (а выводы вообще пугали), поскольку до нынешнего дня я предполагал, что Джейн столь же довольна мной, как и я ею.

Почему наши чувства изменились?

Наверное, многие сочли бы нашу жизнь заурядной. Как и большинство мужчин, я взял на себя обязанность содержать семью и целенаправленно делал карьеру. В течение тридцати лет я работал в юридической фирме «Эмбри, Саксон и Тандл» в Нью-Берне, и моих доходов (если разумно тратить деньги) вполне хватало. Думаю, нашу семью можно было назвать состоятельной. По выходным я с удовольствием играл в гольф и возился в саду, слушал классическую музыку и каждое утро читал газету. Джейн

работала учительницей в начальной школе, но после замужества всецело посвятила себя воспитанию троих детей. Она занималась хозяйством, и самая ее большая гордость — это тщательно составленные фотоальбомы, раскрывающие историю нашей жизни. Мы живем в собственном доме, в гараже стоят две машины, даже фонтанчик в саду. Я — член клуба «Ротари»* и торговой палаты. За годы семейной жизни мы накопили достаточную сумму, чтобы спокойно уйти на пенсию, выстроили на заднем дворе деревянные качели, на которых теперь некому качаться, посетили десятки родительских собраний, регулярно участвовали в выборах и каждое воскресенье жертвовали в фонд епископальной церкви. Сейчас мне пятьдесят шесть, я на три года старше Джейн.

Невзирая на любовь к жене, иногда я думаю, что мы не подходим друг другу. Мы совершенно разные, и, хотя противоположности притягиваются, я чувствую, что мне повезло больше, чем Джейн. Я бы хотел стать таким человеком, как она. Мое кредо — стоицизм и логика, а Джейн добрая и отзывчивая, у нее природная способность к сопереживанию, благодаря чему все ее так любят. Она часто смеется и легко заводит друзей. С течением времени я начал понимать, что изрядная доля моих приятелей — это фактически мужья подруг Джейн, но, наверное, так оно и бывает у большинства семейных пар нашего возраста. Впрочем, я благодарен жене: она выбирает себе друзей, не забывая обо мне, поэтому на вечеринках я не страдаю от одиночества. Если бы в моей жизни не было Джейн, возможно, я бы превратился в отшельника.

И еще меня очаровывает то, что Джейн выражает свои эмоции с детской непосредственностью. Если ей грустно, она плачет, если радостно — смеется, и, кроме

---

* «Ротари» — международный клуб для бизнесменов и представителей свободных профессий; каждая профессия представлена в клубе одним членом. Основан в США в 1905 г. — *Здесь и далее примеч. пер.*

того, Джейн обожает сюрпризы. В эти минуты она очаровательна, одни лишь воспоминания о каком-нибудь давнем сюрпризе способны пробудить в Джейн прежнее волнение. Иногда, когда жена дремлет, я спрашиваю, о чем она думает, и Джейн мечтательно вспоминает что-нибудь, о чем я давно забыл. И эта ее черта не перестает меня восхищать.

Джейн обладает удивительно нежным сердцем, но она во многом сильнее, чем я. Ее ценности и мечты, как и у большинства южанок, в основе своей имеют веру в Бога и семью, она видит мир лишь в черно-белых тонах и делит его исключительно на добро и зло. Трудные решения жена принимает мгновенно и почти всегда оказывается права, тогда как я, наоборот, начинаю взвешивать бесчисленные варианты и предугадывать собственные действия. В отличие от меня Джейн редко задумывается о том, что скажут другие, — это признак уверенности, которой так недостает мне. В этом я завидую жене.

Видимо, наши различия коренятся в воспитании. Джейн выросла в маленьком городке, она была младшей из четырех детей, и родители ее обожали. А я вырос в Вашингтоне в семье адвокатов, и мои родители редко появлялись дома раньше семи часов вечера. В итоге почти все свободное время я проводил в одиночестве — и до сих пор лучше всего чувствую себя в тишине кабинета.

Как я уже упоминал, у нас трое детей, и, хотя моя любовь к ним безгранична, они принадлежат Джейн. Она выносила их и воспитала; с ней они чувствуют себя гораздо уютнее. Иногда я жалею о том, что мало общался с ними, а затем утешаюсь мыслью, что Джейн вполне компенсировала им мое отсутствие. Теперь дети выросли и живут собственной жизнью. Сын переехал в другой штат, и мы считаем, что нам повезло, так как обе дочери регулярно нас навещают. Джейн заботливо держит в холодильнике любимые лакомства девочек на тот случай, если они проголодаются. Когда они приезжают, то болтают с матерью часами.

Старшей, Анне, двадцать семь. Она брюнетка с карими глазами, и ее внешность идеально соответствует характеру. В детстве она была мрачной и задумчивой — проводила целые дни, запершись в комнате, слушала музыку и писала дневник. Тогда она казалась мне совсем чужой; я неделями не слышал от нее ни единого слова и ломал голову над тем, чем вызвано такое отношение. Со мной она общалась лишь вздохами и кивками, а если я спрашивал, все ли в порядке, Анна смотрела на меня как на безумца. Впрочем, Джейн, кажется, не видела в этом ничего странного и считала, что Анна проходит типичную для девочки фазу развития, но дочь по крайней мере с ней общалась. Иногда, проходя мимо ее комнаты, я слышал, как Анна и Джейн шепчутся, но если они догадывались о моем присутствии за дверью, то немедленно замолкали. Позже, когда я спрашивал, о чем шла речь, Джейн пожимала плечами и отмахивалась, как будто их единственной целью было держать меня в неведении.

И все же Анна оставалась моей любимицей, потому что была первенцем. Видимо, она и сама это сознавала. Со временем я начал понимать, что даже в отрочестве она любила меня сильнее, чем мне представлялось. Я прекрасно помню, как Анна проскальзывала в кабинет, пока я возился с документами, и принималась бродить по комнате и рассматривать корешки книг, но стоило ее окликнуть, и она исчезала столь же тихо, как и появлялась. В итоге я научился не беспокоить дочь, поэтому иногда она проводила в кабинете целый час, наблюдая за тем, как я работаю. Если я смотрел на нее, она заговорщицки улыбалась и явно наслаждалась игрой. Теперь, как и прежде, я не всегда ее понимаю, но те моменты навечно запечатлелись в памяти.

Сейчас Анна работает в «Роли ньюс», но, кажется, мечтает стать писателем. В колледже она активно сочиняла, и все ее истории были такими же мрачными, как она сама. Помнится, я читал одну повесть, героиня которой, молодая девушка, становится проституткой, чтобы содер-

жать больного отца, некогда изнасиловавшего ее. Добравшись до конца, я задумался о том, какой же вывод мне надлежит сделать.

Еще Анна безумно влюблена. Моя дочь, всегда крайне осмотрительная в вопросах выбора, становится еще осторожнее, когда дело касается мужчин. Слава богу, Кит прекрасно с ней ладит. Он — будущий ортопед и держится с уверенностью человека, повидавшего немало. Джейн рассказала мне, что на первом свидании Кит и Анна отправились кататься на дельтаплане. Когда дочь привела его к нам знакомиться, он появился в спортивном пиджаке, чисто выбритый и пахнувший одеколоном. Мы пожали друг другу руки, Кит взглянул мне в глаза и сказал: «Я очень рад встрече с вами, мистер Льюис».

Джозеф на год младше Анны. Он всегда зовет меня «отец», единственный из детей. И опять-таки у нас мало общего. Джозеф высок и строен, из одежды предпочитает джинсы, а когда гостит у нас на Рождество или День благодарения, то ест только овощи. В детстве он был тихим ребенком, но, как и у Анны, его сдержанность, судя по всему, распространялась исключительно на меня. Окружающие хвалили его чувство юмора, но, если честно, я редко замечал у Джозефа это качество. Мне частенько казалось, что сын пытается произвести на меня впечатление.

Как и Джейн, еще в раннем детстве он отличался чуткостью. От волнения Джозеф грыз ногти, так что начиная с пяти лет они у него постоянно были обкусаны до мяса. Разумеется, когда я предложил ему заняться изучением экономики, он проигнорировал мой совет и выбрал социологию. Теперь Джозеф работает в ньюйоркском приюте для женщин, подвергшихся дурному обращению. Он почти не рассказывает о своих делах. Наверное, он точно так же удивляется мне, как и я ему; и все-таки, несмотря на все различия, именно с Джозефом мы ведем те самые разговоры, о которых я так мечтал, когда дети были маленькими. Он очень умен и с отличием окончил колледж, у него широкий спектр интересов — от

проблем дискриминации на Ближнем Востоке до фрактальной геометрии. Джозеф потрясающе честен, иногда до абсурда, и, естественно, все эти черты ставят меня в невыгодное положение, когда дело доходит до споров. Пусть иногда меня раздражает его упрямство, но в такие минуты я особенно горжусь тем, что Джозеф — мой сын.

Лесли, наша младшая, с упорством изучает в Уэйк-Форест биологию и физиологию, она мечтает стать ветеринаром. Вместо того чтобы проводить летние каникулы дома по примеру других студентов, она занимается дополнительно, надеясь получить диплом раньше срока, а по вечерам работает на ферме. Из всех троих она самая общительная и смеется точь-в-точь как Джейн. В детстве она тоже любила бывать в моем кабинете, но в отличие от Анны бурно радовалась, когда я уделял ей максимум внимания. Ребенком она с удовольствием сидела у меня на коленях и тянула за уши, став постарше, забредала в кабинет и рассказывала анекдоты. Мои полки завалены подарками от Лесли: глиняными поделками, которые она сама смастерила, карандашными набросками, оригами. Лесли всегда была открыта для любви — она первой неслась обнимать и целовать бабушку с дедушкой и охотно смотрела романтические фильмы, свернувшись на кушетке. Неудивительно, что три года назад на встрече выпускников ее провозгласили королевой.

Лесли тоже очень добра. На день рождения она неизменно приглашала весь класс из опасения ранить чьи-либо чувства, а в девять лет однажды целый вечер бродила по пляжу, потому что нашла в воде часы и вознамерилась вернуть их владельцу. Из всех детей она причиняла мне меньше всего тревог; когда Лесли приезжает в гости, я бросаю все дела, чтобы провести с ней время. Ее энергия заразительна, когда мы вместе, я искренне удивляюсь своему счастью.

После отъезда детей дом изменился. Раньше в нем гремела музыка, а сейчас царит тишина, прежде кладовка была набита восемью видами сладких хлопьев, а сейчас